

— Как вы стали писателем? Наверное, об этом часто у вас спрашивают! Вообще, когда впервые появилось желание писать!

— Думаю, такой вопрос задают всем писателям. Что касается меня, то хорошо помню: осенний дворик, моросящий дождь, низкое небо, стук капель по железу, запах ремонта — сырой извести и какое-то грустное волнение, как предощущение чего-то. Или зимним вечером возвращаюсь из школы, неотрывно смотрю на белые рои снежинок, медленно плывущих в длинных конусах света от фонарей. Теперь, спустя годы, мне кажется, что стремление передать все это, смутный толчок к писательству

мом — Сталинградской битве. Почему!

— Все эти три произведения типологически родственны. Это описание одного боя. Но в то же время это разные книги. Сталинград, Днепр, Польша — не просто различные плацдармы Великой Отечественной войны, это и разные ее этапы. И стратегические цели операции, и эмоциональное состояние воинов каждый раз определяют в моих книгах иную, чем раньше, художественную задачу, которую надо всякий раз решать по-новому. Некоторые критики мои военные произведения воспринимают как три главы единой книги, но для меня они как разные главы.

Вскоре через справочную издатель выяснил номер телефона фельдмаршала. И вот набрал цифры. Старческий голос в трубке на том конце провода надолго замолчал, как только издатель сообщил, что господину фельдмаршалу хочет задать несколько вопросов русский писатель, занятый изучением материалов второй мировой войны, в том числе и Сталинградской операции.

Томительная пауза. Не для нас, конечно. А для Манштейна. Наконец, он переспросил в трубке:

— Русский писатель! О Сталинграде?.. Какие именно изучает он вопросы?

После осторожного молчания, с пунктуальностью военного фельдмаршала сказал:

— Пусть изложит письменно вопросы... Хотя все я сказал в своей книге «Потерянные победы». О себе и о Паулюсе. Нет, нет, я никак не могу встретиться, я простужен, господин издатель. У меня болит горло. Я плохо себя чувствую...

— Я так и думал, — подытожил разговор издатель, положив трубку. — У этих вояк всегда болит горло, когда надо серьезно отвечать.

В общем-то, я не очень горел желанием встретиться с восьмидесятилетним гитлеровским фельдмаршалом, потому что испытывал к нему то, что испытывал двадцать пять лет назад, когда стрелял по его танкам в незабываемые дни 1942 года. И я понимал, почему фельдмаршал, этот «непобежденный на поле боя», очень опасался вопросов о Сталинградской операции.

— Впрочем, об этом рассказывает ваш роман «Горячий снег». Что можете добавить к этому!

— Обратимся к истории войны. Ведь хваленый командующий группой армии «Дон» фельдмаршал Эрих фон Манштейн не выручил окруженную группировку Паулюса. Остатки танковых дивизий, видевших ночью зарево над горизонтом, откатывались тогда к Котельникову. Наши войска все теснее сжимали в кольцо напрасно ожидающую помощи группировку Паулюса. И одновременно часть наших армий, сдержав танковый натиск, начала активное наступление на юге, где Манштейн так и не сумел деблокировать нас. Тогда же и Гитлер, и Манштейн, точно улавливающий каждое желание фюрера, пришли к единому выводу: окруженную двухсоттысячную армию надо принести в жертву — погибнуть без капитуляции, стрелять до последнего патрона. Среди солдат и офицеров распространялся неписанный свыше приказ: «Кончать жизнь самоубийством».

Манштейн, которому непосредственно была подчинена окруженная армия, прекратил сношения со штабом Паулюса, не отвечал на его радиogramмы, расчетливо и хладнокровно перестал снабжать с воздуха и вывозить раненых. Словом, армия как бы была списана. Даже производств Паулюса в генерал-фельдмаршалы означало по существу приглашение к самоубийству. Паулюс все понял, но нашел другой выход — капитуляцию. В тот же день, 31 января, Гитлеру была отправлена радиogramма лаконичного содержания: «У дверей русский...». Наш генерал с переводчиком стояли возле двери штаба в подвалах разбитого универмага. Да, вот почему не захотел встречаться со мной вояка Манштейн...

— Юрий Васильевич, ваши романы экранизированы, в том числе и «Берег». Наверное, кинематограф оказал на вас какое-то влияние!

— Сошлюсь на некоторые факты из своей биографии. После фронта я поступил на шоферские курсы — может быть, потому, что всю войну служил в артиллерии на конной тяге и страстно завидовал «всяческим колесам». Но вскоре узнал, что есть в Москве ВГИК, готовящий людей, как мне казалось тогда, почти фантастических профессий — актеров, сценаристов, режиссеров. И я попытался даже поступить туда. Но мою судьбу решил один товарищ, прочитавший тетрадку военных рассказов и посоветовавший подать заявление в Литинститут. В начале своего писательского пути я смутно представлял, например, прием контраста как способ раскрытия характера. Резкие переходы от одного душевного состояния человека к другому казались мне тогда логичными, нарушающими правду поступков. Кинематограф помог увидеть и ощутить в этой кажущейся на первый взгляд логичности свою железную логику, которая подчас подобна психологическому взрыву. Творчество — это нелегкий путь познания истины, творчество — лучшая часть нашей жизни. По-моему, любовь и искусство объединяют людей и поэтому для меня эти понятия — синонимы.

Интервью взял
Ш. ЗАЙНУДИНОВ.

15 МАРТА — 60 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО
СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЮРИЯ БОНДАРЕВА

НЕЛЕГКОЕ ПОЗНАНИЕ ИСТИНЫ

Это было несколько лет назад, когда в Узбекистане проводились Дни литературы и искусства РСФСР. В числе гостей праздника был и Юрий Васильевич Бондарев. А накануне я как раз прочитал известный роман «Берег» и продолжал ходить под его впечатлением.

Юрий Бондарев — уроженец южноуральского города Орска, детство он провел в Москве. Буквально со школьной скамьи шагнул в войну, испил сполна чашу горечи первых отступлений и радость побед, прошел фронтовыми дорогами от берегов Волги до границ Чехословакии солдатом, сержантом и офицером-артиллеристом. На фронте стал коммунистом.

Словом, тогда, в праздничные дни, у меня было много вопросов к автору «Берега» и других замечательных книг. Да и повод для знакомства был — редакционное задание. Неожиданно повезло. Мой давнишний друг, ташкентский журналист и писатель, собственный корреспондент журнала «Огонек» по Средней Азии Вячеслав Костыря, сам в прошлом фронтовик, оказывается, учился с Юрием Васильевичем в Литературном институте имени А. М. Горького.

Первая наша встреча была непродолжительной. Говорили в основном о «Береге». На следующий день в Концертном зале имени Свердлова состоялся творческий вечер Юрия Васильевича. После встречи мы вновь беседовали. Прощаясь, я достал из портфеля только что изданный «Молодой гвардией» роман «Берег», чтобы получить автограф.

Потом были встречи в Москве и вновь в Ташкенте. Словом, в журналистском блокноте скопились любопытные записи и высказывания писателя.

Итак, на вопросы отвечает секретарь правления Союза писателей СССР, первый заместитель председателя правления Союза писателей РСФСР, лауреат Ленинской, Государственных премий СССР и РСФСР, депутат Верховного Совета Союза ССР, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «Большой звезды дружбы народов» (ГДР) Юрий Васильевич БОНДАРЕВ.

возник у меня именно тогда, в детстве, в замоскворецких переулках. Учительница Мария Сергеевна Кузовкина хвалила мои сочинения, читала их в классе и всячески подерживала во мне интерес к литературе. Позднее мне довелось участвовать в выпуске школьного юмористического журнала. А в девятом классе литературу невзлюбил.

— Почему же!

— То, что нас заставляли делать с образами классических героев (а это делают и сейчас), очень напоминало прозекторскую.

— А на фронте вы писали!

— Во время войны мысль взяться за перо ни разу не приходила. Однако между школьными годами и тем моментом, когда я осуществил это свое так рано зародившееся, тогда еще неясное, стремление к литературе, прошло не просто семь-восемь лет — прошла война. Именно эта война сыграла решающую роль. Еще в 1945 году курсантом военного училища начал писать сначала стихи, слабые, раздражительные, а потом и рассказы. После демобилизации из армии возвратился в Москву. Работать? Учиться? На эти вопросы искали мучительно ответа многие типичные для моего поколения люди. Поступая в Литературный институт, я все же не ставил цель непременно стать профессиональным писателем. Просто вновь вернулась страсть к литературе, отношение к ней как к единственной любви. Мне здорово повезло. Попал в творческий семинар, которым руководил К. Г. Паустовский.

— Вы его считаете своим учителем, хотя ваши писательские манеры далеки!

— Такое заключение ошибочно. Паустовский сделал для меня чрезвычайно много: привил любовь к великому таинству искусства и слова, внушил, что главное в литературе — сказать свое. Вряд ли можно от учителя требовать большего.

— Последовательность ваших военных произведений не соответствует векам вашей фронтовой биографии. Спустя много лет после публикации повести «Батальоны просят огня» (1957) — о боях при форсировании Днепра, «Последних залпов» (1959) — о завершающих эпизодах войны, в романе «Горячий снег» (1969) вы обращаетесь к более давним событиям, к одному из решающих, переломных сражений с фаши-

— А что послужило толчком для «Горячего снега»!

— Я не могу ответить, как возникает мысль, как возникает этот первый миг волнения, но мне кажется, что роман уже пишется задолго до того, как выведена первая строка на бумаге. Суть этих слов такова: одноипинных рождений замысла не бывает даже у одного и того же писателя.

Итак, в 1964 году в Австрии проходила международная дискуссия писателей. Так вот, тогда ко мне подошли два немца и заявили, что они ненавидят гитлеровское прошлое, что оба они бывшие танкисты из армейской группы «Гот», воевали на том же участке фронта на реке Мышкова, где в декабре 1942 года был и я. Вспомнил многое, что за протяженностью лет стал забывать: зиму, сурок второго, холод, степь, ледяные траншеи, танковые атаки, бомбежки, запах гари и горелой брони. Конечно, если бы я не принимал участия в сражении, которое 2-я гвардейская армия вел в заволжских степях в лютый декабрь сорок второго с танковыми дивизиями Манштейна, то, возможно, «Горячий снег» был бы несколько иным. Личный опыт и время, что пролегло между той битвой и работой над романом, позволили мне написать именно так, а не иначе.

— Говорят, во время одного из пребываний в ФРГ вы чуть не встретились с фельдмаршалом Манштейном!

— Это было в Мюнхене. Во время беседы с издателем я сказал, что интересуюсь материалами второй мировой войны. Тот развернул передо мной газету, и мне тотчас бросился крупный заголовок — «Сталинград», под ним — фотографии фронтовой поры, а в статье выделялись знакомые имена и названия: Паулюс, Манштейн, Гитлер, группа армии «Дон», 6-я полевая армия...

Издатель предложил: «Хотел бы, чтобы вы встретились с фельдмаршалом Манштейном».

— Неужели он жив?

— Да, он жив, ему восемьдесят лет... Но, думаю, что он побойлся разговаривать с вами. Солдатские газеты много пишут о нем в хвалебном тоне. Называют его стратегом и даже непобежденным на поле боя. Задайте ему несколько вопросов, чтобы старый пруссак понял, что он участник преступления. А впрочем, сейчас...